УДК 32.019.51+ 911.375.4:378.4 DOI: 10.17223/1998863X/51/21

А.И. Щербинин

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ГОРОДЕ ^{1}

Рассматривается проблема политической социализации молодежи на примере университетского города. Предложены переменные, влияющие на своеобразие политической социализации, а именно: смена общественной парадигмы с институциональной на сетевую, актуализация роли города как ключевого игрока в политических процессах, роль университетских городов как драйверов новой экономики. Опираясь на теоретико-методологические работы 3. Баумана, Н. Моисеева, К. Навратека, Э. Кастельса, Э. Киселевой, Ф. Кука, Г. Стэндинга и др., автор обосновывает изменившиеся условия для социализации молодежи. Эмпирические исследования, проведенные в Москве, Санкт-Петербурге, Томске и Новосибирске, подкрепляют гипотезу, выявляя при этом дальнейшие направления исследований и практической работы в области политической социализации.

Ключевые слова: *политическая социализация, молодежь, университетский город,* кризис институтов, сетевое общество, Россия, эмпирические исследования.

Политические обострения в Москве летом-осенью текущего года, выступления «желтых жилетов» во Франции, продолжающиеся столкновения в Гонконге, затянувшееся протестное состояние предбрекситовой Великобритании, неутихающие популистские кампании в Европе являются отчетливым сигналом об обострившемся состоянии сообщества, одним из ключевых игроков которого являются учащаяся молодежь и студенты университетов. Заметим, что за относительно короткий период сначала на встрече с представителями кафедр общественных наук, состоявшейся после выборов Президента РФ в марте 2018 г., а затем на десятилетии факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в сентябре 2018 г. Первый заместитель Руководителя Администрации Президента С.В. Кириенко акцентировал внимание аудитории на значимости процессов политической социализации молодежи.

В свою очередь, обеспокоенность состоянием данной проблемы со стороны преподавателей социально-гуманитарного профиля, оправданная тревога вызваны, на наш взгляд, катастрофическим сокращением изучения политических дисциплин на непрофильных факультетах. Данное состояние усугубляется вымыванием предмета политики из школьных программ, что привело в конечном счете к стихийным и нередко неуправляемым процессам формирования политической картины мира у молодежи и шире — картины будущего. Мы не можем не отметить нынешнее стремление властей найти ключик, которым бы открывалась дверь в будущее. Но само оно понимается сегодня сугубо генерационно, типа «молодежь — наше будущее». В этом есть свой резон, учитывая то, что предсказуемость событий будущего зависит от

 $^{^{1}}$ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ, проект «Политическая социализация молодежи в университетских городах», № 19-011-31231.

того, какими мы сформируем наших преемников. Поколения — это проекты, да и каждый человек, как писал Хосе Ортега-и-Гассет, это «удивительное существо, чье бытие состоит не в том, что уже есть, а в том, чего еще нет; иначе — сущее в том, чего еще не существует» [1. С. 186.]. Поэтому он справедливо сравнивал молодежь со снарядом, выпущенным в будущее.

Когда мы задаемся вопросом, кто занимается или должен заниматься проектированием будущих поколений (и отдельных людей), конечно, в первую очередь мы обращаемся к государству. Власть не создает материальных ценностей. Ее онтологическая задача — создавать смыслы, определять цель (включая и стрелу времени «прошлое — настоящее — будущее»), формировать ценности. В статье «Россия и сетевое общество» Мануэль Кастельс и Эмма Киселева удачно использовали цитату из книги «Иконография власти» своей коллеги по университету Беркли Виктории Боннел: «Главным вопросом, стоявшим перед большевиками в 1917 году, был не просто захват власти, но захват смысла» [2. С. 41].

И когда нам пытаются сказать, что молодежь (или дети) – это и есть будущее, поэтому дадим им возможность создавать смыслы, проектировать форсайты и т.п., это не просто заблуждение, а нечто большее. Это значит, что либо за повседневной работой руки не доходят до молодежи, либо у самого субъекта нет представлений о будущем. Карл Ясперс очень подробно прописывал эту критическую ситуацию: «...В условиях же распада молодежь обретает ценность сама по себе. От нее прямо ждут того, что в мире уже потеряно... Как будто к молодежи предъявляется требование создать то, чем уже не владеют их учителя. Подобно тому, как будущие поколения обременяются государственным долгом, они обременяются и следствиями расточительства духовного богатства, которое им представляют завоевать заново» [3. C. 354]. Позволю вернуться к начальному тезису, используя мысли Ясперса: государство посредством своей власти выступает как гарант любой формы массового порядка. Сама по себе масса не знает, что она, собственно говоря, хочет [Там же. С. 355]. Ясперс отмечал, что государство само является продуктом многовекового воспитания, и когда оно заботится о воспитании молодежи, то значит оно заботится о воспитании тех людей, на которых оно впоследствии будет опираться [Там же].

В концепции Ясперса мы видим классическую картину индустриального общества, когда в структурированном и институционально оформленном обществе политическая социализация выполняла важнейшую функцию поддержки устойчивости политической системы, занимая одно из ключевых мест в концепциях политической культуры как внутреннего измерения политической реальности; в кризисные периоды внимание к ней было особенно востребовано. Попытки интерпретировать действие данного механизма привели в свое время к созданию целого ряда теорий политической социализации, часть из которых была производным от родового понятия «социализация», другие же точки зрения вытекали из особенностей объекта — в основном детей и молодежи.

Большинство из них следовало структурно-функциональной модели Истона—Денниса, согласно которой политическая социализация, являясь системной функцией, создает и охраняет систему через формирование консенсуса. Психологические и социологические теории политической социализа-

ции, среди которых особо выделяются психология «черт характера» и психоанализ, исходили соответственно из стабильности врожденных или приобретенных качеств или акцентировали исследования на раннем детстве и семье как институте первичной политической социализации. Теоретико-образовательные теории в отличие от предыдущих связывали политическую социализацию со способностью личности к обучению на протяжении всей жизни впрочем, и на каждой возрастной фазе). Ряд исследователей (Ф. Гринстайн, Д.А. Натан и Р.С. Реми, Р. Сиджел и др.) вообще приравнивали политическую социализацию к политическому образованию. Подростковому возрасту было уделено особое внимание представителями когнитивистского направления. Именно в этот период происходят быстрое развитие политических представлений, становление абстрактного, логического мышления, осознание воздействий прошлого на настоящее и будущее, мышление становится социоцентричным. Подросток быстро накапливает знания, включая стереотипы и условности.

Достаточно ярко представлены в концепциях политической социализации сторонники «теории ролей», выводящие индивидуальное поведение из ориентации на поведение партнеров. Политика в данном случае имеет все основания быть рассматриваемой как «игра по правилам», а политическое образование – как средство обретения этих правил (Р.Е. Доусон, К. Прюитт). Индивид, согласно данным теориям, может интегрироваться в универсальную систему, являясь субъектом политического мира, но он же может и достичь автономии, освободившись от социального принуждения, что, в свою очередь, ставит вновь под сомнение классическую концепцию homo politicus.

Тематически связанными с предыдущими можно считать генерационные теории, которые рассматривают генерации как возрастные когорты, чьи структуры сознания и поведения на определенных жизненных фазах отражаются через определенные события социально-исторического значения. Интересны они еще и потому, что согласно им наиболее яркие события накладывают свой важнейший отпечаток на личность не в раннем детстве, а в возрасте 17-25 лет, обогащая новую генерацию «коллективной памятью», только ей присущими собственными ценностями и убеждениями. Социализация в данном случае играет роль своеобразного трансформатора, выравнивая политические взгляды «социальных неофитов» в соответствии с параметрами, заданными обществом [4]. Прервавшись на этом, мы с уверенностью можем сказать, что теории политической социализации заняли прочное место в объясняющих моделях вне зависимости от подходов. К примеру, П. Бергер и Т. Лукман в своей книге по конструированию социальной реальности в числе последовательных ступеней данного процесса помещали социализацию вслед за объективацией и хабитуализацией, рассматривая ее как важный этап, предшествующий легитимации [5]. Следует учесть, что в отличие от мира повседневности вхождение в политический мир требует больших усилий по ценностно-смысловому наполнению институтов, с которыми человек не сталкивается лицом к лицу в обыденной жизни. И уже современная литература по политической социализации фиксирует ее провалы и пытается найти новые теоретические модели и практические шаги. Изучая политические кампании в социальных сетях, М. Френсо Гарсиа, А. Дейли поднимают проблему пределов онлайн-коммуникации через большие платформы. М. Гансингер и А. Коле, показывая роль социальных медиа в политике (на примере кампаний Трампа, Макрона и Курца), вводят новое понятие «кликтатура» (clicktatorship), а в целом для социальных медиа – «manipuledia». Политологи выделили и такое понятие, как «не-гражданская культура» (У. Беннет, 1998), как следствие недоработок агентов социализации. Продолжением данной темы стала его монография «Гражданская жизнь онлайн: узнайте, как цифровые медиа могут привлечь молодежь» (2008). В 2010 г. У. Беннет, Д. Фрилон и С. Уэллс публикуют статью «Изменение личности гражданина и рост медийной культуры участия», показывая значение медиа для становления гражданина.

Одним из новых явлений социально-экономической динамики последних лет стал растущий интерес к университетским городам. Именно они предстают сегодня серьезными конкурентами мегаполисам индустриальной эпохи, являясь платформой для движения в сторону «умных», «интеллектуальных», «мудрых» городов. В августе текущего года вышла статья Ричарда Флориды, который показал результаты исследования пятидесяти городов США (2012–2017 гг.) и представил рейтинг ведущих и отстающих городов с точки зрения человеческого капитала, в основу которого была положена доля выпускников колледжей среди всего населения города [6]. Из «десятки» лучших 50% населения с высшим образованием сосредоточено в шести городах (Сиэтл, Сан-Франциско, Федеральный округ Колумбия и др.). Городамегаполисы Нью-Йорк и Лос-Анжелес занимают соответственно восемнадцатое и двадцать четвертое места. Изучение роста количества выпускников с 2012 по 2017 г. удивляет, на первый взгляд, абсолютным лидерством Майами (50% и десятипроцентный ежегодный прирост). С другой стороны, если учесть дистантный характер интеллектуального труда, то мы обнаруживаем еще одну ипостась постиндустриальной эпохи.

Одной из ключевых ее особенностей является то, что, придя на смену модерну, новая эпоха завершила превращение маловостребованных институтов в некий сонм богов, обращение к которым держалось на традиции и схеме элементарных знаний, сильно приправленных верой в их необходимость. «Институты лежат в мавзолеях», – писали К.А. Нордстрем и Й. Риддерстрале [7]. В числе таких закрепленных традицией абстракций оказались семья и брак, классы и партии. Одним из последних свои позиции сдало государство [2. С. 24–25; 8]. И все же в главном вопросе эти авторы существенно расходятся. Для Кастельса и Киселевой сетевое общество – ранний, становящийся этап, аналогичный первоначальному индустриализму с его еще не окостеневшими нормами и институтами, где «быть верующим, значит творить веру» [2. С. 25]. Для Баумана постсовременное общество - это совершенно иной тип общества, точнее «социальности»: «Я предлагаю, чтобы термины "социальность" (sociality), "среда" (habitat), "самоконструирование" и "самособирание" стали центральными в социологической теории постсовременности. Они должны занять место, которое ортодоксальная современная социальная теория зарезервировала для таких категорий, как "общество", "нормативная группа" (например, класс или община), "социализация" или "контроль"» [8. С. 33]. В любом случае подвижность, нестабильность общественных отношений, смена авторитетов, перекомпоновка жизненных планов – те черты, которые проявляются (и не только в молодежной среде) в настоящее время. Надо отметить, Бауман, по крайней мере, настаивает на том, что политика в постсовременности не исчезает. Более того, она из эпифеномена социальности в обществе, жестко привязанного к национальному государству в эпоху модерна, органично вписывается в условиях постсовременности в динамичную общественную жизнь с ее лежащими на поверхности продуктами перемен — ставшими еще многообразнее конфликтами, протестами, принятием решений и т.п.

Филип Кук обращает наше внимание на то, что наряду с материальными (объективными) причинами таких перемен следует учитывать и культурные (идейные), «возникающие при ниспровержении старого порядка». В социальных изменениях отметим категорию, использованную Куком в качестве маркера в отношении представителей низшего класса, которые ведут «полустуденческое существование на краю СМИ или вовсе не имеют занятия». Итак, отсутствию занятости по шкале Кука предшествует полустуденческое существование, следовательно, между последней ступенькой и собственно студенчеством различия практически незаметны. Куком на примере столицы Великобритании показано превращение города в собрание неуправляемого и готового к беспорядкам плебса [9].

Дэвид Б. Кларк отмечает, что классы не исчезают, они разрастаются вдоль новых осей, которые все больше определяются по отношению к культурному, а не только экономическому капиталу, постепенно обретая свою идеологию. Новые «классы» испытывают постоянные чувства недовольства, аномии, беспокойства и отчуждения [10]. Традиционные связи и ответственность ослабевают, жизненная стратегия заменяется текучей актуальностью без взаимных обязательств (см.: [11. С. 41, 45, 46]). Обесценены долговременная групповая память и опыт прошлого, лежащие в основе социализации. Все это вызывает закономерный интерес к проблеме своеобразия политической социализации молодежи в очевидных «точках роста», какими являются университетские города, где в концентрированном виде мы можем увидеть и особенности социализации молодого поколения, и тренды общественных изменений. Политическая составляющая социализации представляет собой один из существенных аспектов исследования. Более того, политическую социализацию важно исследовать не только как звено цепи между теоретически понимаемыми институциализацией и легитимацией, но и как социальную ткань между «умным сообществом», «умным управлением» и «умными технологиями». В проекте «умных городов» университетские города объективно являются действующими особыми центрами формирования интеллектуальной элиты.

Вышеперечисленные условия позволили для проведения комплексного эмпирического исследования выдвинуть гипотезу относительного преобладания сетевой коммуникации («осетевление», по Н. Больцу [12]; «власть сетевой коммуникации», по Кастельсу [13]) над институциональной в транзитной морфологии университетского города. Основу исследования составил анкетный опрос студентов Томска, дополненный экспертным опросом представителей университетского сообщества, специализирующихся на изучении политической социализации молодежи, преподавателей политологии, руководителей подразделений, ответственных за воспитательную работу в университетах, экспертов из органов власти, политических партий, СМИ и НКО из четырех городов, третий год подряд входящих по рейтингу QS в список «100 лучших студенческих городов мира» (Москва, Санкт-Петербург, Томск

и Новосибирск). Дополнительно впервые Агенством социальных исследований «Столица» (А.Н. Расходчиков и Г.В. Градосельская) с опорой на авторскую методику был проведен анализ молодежных групп Томска и региона в социальных сетях.

В данной статье мы остановимся лишь первых двух исследованиях, взяв из результатов только ключевые позиции, имеющие отношение как к университетскому городу, так и к состоянию политической социализации молодежи. Прежде всего мы видим социальную морфологию типичного университетского города: среди опрошенных студентов доля переехавших в Томск для получения высшего образования составила 63,1%, из них граждан иностранных государств 22,4%. Как видим, это значительно превышает количество студентов – коренных жителей. Почему молодые люди считают Томск городом, в котором стоит получать высшее образование (условия жизни по шкале от 1 до 5)? Здесь 4 и выше получили сферы: образование (4,25), молодежный стиль жизни (4,17), спорт (4,00). Эти оценки вполне вписываются в стандарты современных университетских городов мира. В пятерку также входят, помимо перечисленных, досуг (3,85) и безопасность (3,58). Десятку замыкают трудоустройство (3,19) и общественный транспорт (3,08). Как видим, социальные условия средние и достаточно высокие.

Жизнью города, в котором живут и учатся студенты, интересуются 61,7% опрошенных, не интересуются 20,6% (16,0% затруднились и 1,7% пропустили ответ). Томск привлекателен для студенческой молодежи как площадка для их личностного и профессионального развития и роста. При этом однозначно планируют переехать из него в ближайшие пять лет 27,4%, 28,5% ответили «Скорее да, чем нет». Какие проблемы волнуют студентов университетского города? В личной сфере закономерно на первом месте учеба, образование (52,8%), на втором деньги, материальное положение (23,9%). Замыкают тройку трудоустройство, карьера (19,8%). Отметим, что в десятку вошла и проблема с сетевыми коммуникациями (2,0%). Этот момент важен для понимания возможностей сетевой социализации. В социальной сфере, имеющей непосредственно выход в политику, 16,4% опрошенных волнуют такие проблемы: власть, выборы, законотворчество, безопасность (война), общая ситуация в РФ, политическая сфера в целом. Еще 12% отмечают социальные проблемы: это традиционно образование, наука, здравоохранение. Но помимо них также духовное состояние общества, гражданская и политическая ответственность и активность, уровень массового сознания, девиантное поведение, коррупция, социальная защита, имиграция / эмиграция и общие социальные проблемы (без расшифровки). Экономическая сфера присутствует в проблемах уровня жизни, рынка труда, экономической свободы и экономической безопасности. В целом по блоку вопросов можно сделать вывод, что во взаимодействии с социально-политической средой студентов политические проблемы волнуют, и основной акцент в ответах респондентов делается на неудовлетворенности властью и политикой в целом.

Переходя к собственно политическим проблемам, начнем с интереса к политике. На этот вопрос 43% опрошенных студентов дали положительный ответ, 36,8% респондентов ответили, что политика их не интересует, 17,5% затруднились дать ответ. Таким образом, незначительное совокупное превалирование отсутствия интереса и затруднившихся отчасти объясняется вос-

питательно-образовательным вакуумом, описанным нами в начале статьи. Но процент интересующихся, а особенно затруднившихся, показывает, что в этом направлении надо работать. Практическая активность по ответам распределяется так: участие в волонтерском движении – 37,6%, подписывают электронные обращения 24,7%, состоят в НКО (помимо профсоюзов) 21,0%, делятся в социальных сетях информацией о политике 19,5%, равный процент – 11,8% - набрали те, кто состоят в политических партиях (и их молодежных отделениях) и участники митингов и демонстраций. Как видим, центр политики смещается от традиционно институционального (и институциональноритуального) к сетевому и к тому, что сегодня называют «неполитической политикой». На данный тренд следует обратить внимание при разработке политических стратегий. В этом плане идущий следом вопрос об участии в выборах можно считать осевым в отношении старой и новой политики. Лишь 18,5% отметили, что участвуют в выборах всегда, а 11,9% отметили «чаще участвую». То есть электоральный состав студенчества можно определить как одну треть от общей совокупности. На этом фоне 32,6% четко заявили «никогда не участвую», а 14,5% «чаще не участвую» (их доля составила 47.1%, т.е. близкую к половине, но она включает и тех, кому нет 18 лет, граждан других государств, граждан РФ, не имеющих томской прописки). За вычетом этих объективных причин «абсентеистская составляющая» ненамного сокращается. Каковы причины студенческого абсентеизма в университетском городе? На первом месте недоверие к выборам – 25,5%. 9,9% считают, что их голос ничего не решает, незаинтерсованность в политике, отмеченную выше, подтвердили 19,4%. 12,1% сослались на нехватку времени. По ответам на вопрос: «На кого вы рассчитываете в решении своих проблем?» – 81,3% указали «на собственные силы» и лишь 9,0% «на государство» – главную опору институционального видения реальности. Наверное, в этом жизненная причина отсутствия интереса к политике, умноженная на неукорененность студенчества в городе. Они, в свою очередь, не только фиксируют отсутствие политической активности, но и показывают направления для поиска решений, адекватных ситуации и уникальной среде университетского города. Но в настоящий момент мы можем говорить об особой ипостаси «негражданской культуры», отчасти культуре прекариата (Г. Стэндинг), а эффективным средством для исправления ситуации здесь мыслится предложение К. Навратека о работе по редукции «высокой политики» до уровня города и гражданина.

Остановимся особо еще на двух моментах, вытекающих из опроса, – сетевых ресурсах томского студенчества и на том, как меняется моральная атмосфера в университетском городе. В условиях перехода на сети 4.0 и уже ставших реальностью в ряде стран сети 5.0 нас прежде всего интересовал вопрос, насколько быстро студент может войти в социальную сеть. В ответах 83,0% отметили позицию «в любое время и из любой точки», 9,8% респондентов указали на то, что для них число мест входа ограничено и / или лимитировано время. Только 6,2% указали – «место входа одно» и / или «только в свободное время». Сетевые интересы студенческой молодежи достаточно разнообразны. Вот как представлен их диапазон: на первой строчке «новости», 51,0%, на завершающей, пятнадцатой, «религия и верования», 5,0%. В первую пятерку, помимо новостей, вошли: «искусство, кино» – 49,8%, «музыка, шоу-бизнес» – 45,6%, «отдых, досуг, развлечения» – 42,3%, «образова-

ние и наука» — 39,6%. Добавим, что «образование и науку» усиливает раздел «познавательные передачи» — 23,9%. Почетное место в верхней части таблицы занимают «спорт», 27,8%, и «политика», 26,3%.

Специально был поставлен вопрос об удобстве и полезности социальных сетей. Обобщая ответы, можно сказать, что наивысшей оценкой пользуется социальная сеть «ВКонтакте» (73,2% положительных оценок), в то время как Facebook получил 12,7%, а «Одноклассники» 8,5%. Высокую оценку дали сервису «Инстаграмм» – 53,4%, по отношению к Twitter – отрицательных оценок 33,9%, положительных 20,4% и средних 22,7%.

Продолжая тему и рассматривая мессенджеры, мы видим, что Telegram получает лишь 36,4% положительных оценок, 22,0% плохих и 24,5% средних, заняв второе место и существенно проигрывая WhatsApp (52,6%). Примеры с Twitter и Telegram показывают излишний оптимизм в отношении универсальности их как каналов политической коммуникации. Общее второе место по положительным оценкам после «ВКонтакте» получил видеохостинг Youtube — 65,1% положительных оценок, что позволяет считать его одной из основных площадок виртуальной коммуникации молодежи. Итак, молодежь предпочитает «ВКонтакте», Youtube, «Инстаграмм» и WhatsApp.

Респондентам было предложено ранжировать потребности в социальных сетях. На первое место молодые люди поставили коммуникацию — 61,7%, на второе информацию — 60,0%, на третье досуг — 26,8%, на четвертое свободу — 16,0%, на последнем оказалась самопрезентация — 6,3%. Конечно, есть отклонения в оценках в зависимости от предпочитаемой сети, но рамки статьи не позволяют показать эти распределения. То есть мы с уверенностью можем рассматривать социальные сети сегодня как ключевого агента социализации, а политический аспект ее зависит от понимания ресурса субъектами политики.

Завершает нашу статью раздел «толерантность» – качество, которое является одним из критериев оценки университетского города. В отношении представителей других религий не испытывают раздражения 75,1%, и 12,7% скорее не испытывают. В отношении представителей других национальностей 63,2% однозначно и 18,5% скорее не испытывают. В отношении сексуальных меньшинств соответственно 53,9 и 16,2%. К мигрантам, гастарбайтерам относятся позитивно 42,2% и скорее не испытывают раздражения 27,6%. Меньше всего сочувствия получили асоциальные элементы – 27,0% и скорее не испытывают раздражения 22,0%. Есть нюансы по вузам, но в целом картина выглядит вполне успешной, подтверждая оценку Томска как одного из лучших студенческих городов мира.

Теперь пришло время посмотреть на состояние политической социализации глазами экспертов. Акцент на институтах в опросном листе автором был сделан сознательно, чтобы прежде всего понять их шансы в эпоху постиндустриализма. Поэтому расхождения результатов анкетирования студентов и точек зрения экспертов в пользу данных институтов — своего рода аванс на ближайшее будущее, на исправление ситуации. Экспертам было предложено оценить семнадцать институтов (внутри некоторых более дробное деление, например вуз оценивался с точки зрения воздействия учебного процесса и общественной деятельности) по степени их влияния на молодежь по шкале от минус пяти до плюс пяти. Для экономии возьмем лишь максимально высокие позиции институтов социализации, составленные в абсолютных выражениях

(положительные минус отрицательные). На первом месте идет вуз (и учебный процесс, и общественная деятельность получили максимальные баллы — по 38). Следом равные оценки, по 36, у сверстников и государства. На третьем месте государственные праздники — 34. На четвертом — семья с 33 баллами. На пятом — социальные сети и кино — 32. Абсолютный рекорд «не влияния» по графе (и всей таблице) заняли профсоюзы — «ноль» поставили 20 экспертов. И разница между отрицательными и положительными оценкам также равна нулю. В целом опрос показал пятикратное доминирование правого поля (положительных значений) над левым (отрицательные значения), что является показателем не только оптимизма экспертов в отношении ряда институтов / оценки их роли с позиций индустриальной парадигмы, но и проекцией сегодняшних проблем политической социализации молодежи на потенциал (ресурсы) данных институтов.

Исходя из сказанного, особо следует обдумать механизм и формы возвращения каналов передачи политических знаний в университеты, включая и политологию (граждановедение) на непрофильных факультетах. Последнее является основанием для корректировки государственной политики в отношении студенческой молодежи в целом (вуз, сверстники, государство, региональные, местные и государственные праздники, волонтерство как форма гражданского участия, семья как традиционный агент социализации), и, как следует из оценки роли социальных медиа самими студентами и экспертами, требуется особой подход к интернет-коммуникации как эффективному средству политической социализации молодежи. В целом это могло бы стать все еще актуальным и эффективным ответом на вызовы новой эпохи.

Литература

- 1. *Ортега-и-Гассет X*. Размышления о технике // Избранные труды. М. : Весь мир, 1997. С. 164-232.
- 2. *Кастельс М., Киселева Э.* Россия и сетевое общество. Аналитическое исследование // Мир России, 2000. № 1. С. 23–51.
  - 3. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Изд-во полит. лит., 1991. 527 с.
  - 4. Щербинин А.И. Политическое образование : учеб. пособие. М. : Весь мир, 2005. 288 с.
- 5. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр: МЕДИУМ, 1995. 323 с.
- 6. Florida R. Where do College Grads Live? The Top and Bottom US Cities. 23 august 2019 // CITYLAB. URL: https://www.citylab.com/life/2019/08/education-talent-city-ranking-college-degree-us/596509/ (accessed: 30.09.2019).
- 7. Нордстрем К.А., Ридерстралле Й. Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет под дудку таланта. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2002. 287 с.
- 8. Бауман 3. Социологическая теория постсовременности // Социологические очерки : ежегодник. М.: Ин-т молодежи, 1991. Вып. 1. С. 28–48.
- 9. *Кук Ф.* Модерн, постмодерн и город // Логос. 2002. № 3–4. URL: http://magazines.russ.ru/logos/20002/3/kuk.html (дата обращения: 05.08. 2019).
- 10. *Кларк Д.Б.* Потребление и город, современность и постсовременность // Логос. 2002. № 3–4. URL: http://magazines.russ.ru/logos/klark.html (дата обращения: 06.08.2019).
  - 11. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.
  - 12. Больц Н. Азбука медиа. М.: Европа, 2011. 136 с.
- 13. *Кастельс М.* Власть коммуникации. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 568 с.

Alexey I. Shcherbinin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: shai52@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 51. pp. 205–214. DOI: 10.17223/1998863X/51/21

FEATURES OF POLITICAL SOCIALIZATION OF YOUTH IN A UNIVERSITY CITY

Keywords: political socialization, youth, university, city, crisis of institutions, network society, Russia, empirical research.

The article considers a topical issue of political socialization of youth. Protest moods, mass demonstrations and specific actions show that currently, in many countries, young people are becoming more active and focused on "criticism by action" of traditional political institutions. On the other hand, these institutions lose youth support in the elections and in the party building process. Classical ideologies and the ideology as a form of mind control fail in the clash with modernity. Thereby, there is a need in an underlying cause to nominate and theoretically substantiate new sociopolitical phenomena, such as populism, post-truth, fake news, and others. According to the author of the article, this cause is a change in the public paradigm, which was considered by Zygmunt Bauman, Nikita Moiseev, Krzysztof Nawratek, Manuel Castells and Emma Kiselyova, Philip Cooke, Guy Standing, et al. The article reveals the difference and constructs general provisions of the new social world. The place of youth in this future is traditionally associated with the mechanism of socialization, in which political relations, as one of the areas, always occupy pride of place. The author recalls the basic theories of political socialization, noting that all of them were connected with institutions that performed a systemic function. By this, in theoretical and methodological terms, he tests various theories of political socialization for the possibility of their integration in the design of a new society. To verify it, in the summer of 2019, the author and his research team conducted a survey among students of Tomsk, one of the four Russian university cities in the Top 100 of the OS Best Student Cities ranking. They also developed and conducted an expert survey of theorists and practitioners of political socialization in all four Russian cities from the QS ranking (Moscow, St. Petersburg, Novosibirsk and Tomsk) on the effectiveness of existing institutions of political socialization. The results of the empirical studies complement each other, correlate with the theoretical assessment of the current state of society, and have a significant scientific and practical value at both the federal and city levels.

References

- 1. Ortega y Gasset, J. (1997) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Translated from Spanish. Moscow: Ves' mir. pp. 164–232.
- 2. Castells, M. & Kiseleva, E. (2000) Rossiya i setevoe obshchestvo. Analiticheskoe issledovanie [Russia and the network society. Analytical research]. *Mir Rossii*. 1. pp. 23–51.
- 3. Jaspers, K. (1991) *Smysl i naznachenie istorii* [The Origin and Goal of History]. Translated from German. Moscow: Izd-vo polit. literatury.
  - 4. Shcherbinin, A.I. (2005) *Politicheskoe obrazovanie* [Political Education]. Moscow: Ves' mir.
- 5. Berger, P. & Luckmann, T. (1995) Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya [The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge]. Translated from German by E. Rutkevich. Moscow: Academia-Tsentr: MEDIUM.
- 6. Florida, R. (2019) Where do College Grads Live? The Top and Bottom US Cities. 23 august 2019. [Online] Available from: https://www.citylab.com/life/2019/08/education-talent-city-ranking-college-degree-us/596509/ (Accessed: 30th September 19).
- 7. Nordstrom, K.A. & Ryderstralle, J. (2002) Biznes v stile fank. Kapital plyashet pod dudku talanta [Funky Business: Talent Makes Capital Dance]. Translated from English. St. Petersburg: Stockholm School of Economics in St. Petersburg.
- 8. Bauman, Z. (1991) Sotsiologicheskaya teoriya postsovremennosti [Sociological theory of postmodernity]. *Sotsiologicheskie ocherki*. 1. pp. 28–48.
- 9. Cook, F. (2002) Modern, postmodern i gorod [Modern, postmodern and the city]. *Logos*. 3–4. [Online] Available from: http://magazines.russ.ru/logos/20002/3/kuk.html (Accessed: 5th August 2019).
- 10. Clark, D.B. (2002) Potreblenie i gorod, sovremennost' i postsovremennost' [Consumption and the city, modernity and postmodernity]. *Logos*. 3–4. [Online] Available from: http://magazines.russ.ru/logos/klark.html (Accessed: 6th August 2019).
- 11. Standing, G. (2014) *Prekariat: novyy opasnyy klass* [Precariate: The New Dangerous Class]. Translated from English by N. Usova. Moscow: Ad Marginem Press.
- 12. Bolz, N. (2011) Azbuka media [The Media Alphabet]. Translated from German. Moscow: Evropa.
- 13. Castells, M. (2016) *Vlast' kommunikatsii* [Communication. Power]. Translated from English by N. Tylevich. Moscow: HSE.